

Анна Старобинец

Семья

Дима прибежал на перрон всего за две мину-ты до отхода поезда, еще с минуту, часто дыша на проводницу мятным перегаром, рылся в карманах куртки в поисках билета; наконец, по-хозяйски облобызal розовощекую спутницу и метко ввалился в покачнувшийся вагон.

В купе, кроме него, никого не было. Задум-чиво мотаясь из стороны в сторону и тихо ма-теряясь, Дима долго боролся с влажным постель-ным бельем. Одержав победу, со стоном взгро-моздился на верхнюю полку, засунул кошелек под подушку и немедленно уснул.

Во сне Диме мерещилось, что на каком-то ночном полустанке в купе вошел потный толстяк с маленьким чемоданом и старомодной тростью в руке. Сел, отдуваясь, у окна, снянул с себя облезлую шапку из больного черного кро-лика. Под кроликом обнаружилась лишь поло-вина головы, сиротливо ютившаяся на короткой, в тюленьих складочках, шее. Верхняя часть черепа необъяснимым образом отсутствовала: не было ни лба, ни затылка, ни темени, словно все это аккуратно отрезали прямо по линии бро-вей и сняли, как проржавевшую крышку с по-ходного котелка.

— Инвалид, — слегка извиняющимся тоном представился пассажир.

— Да-ы... — неразборчиво мыкнул Дима в ответ.

Дальше ехали молча. Пухлой рукой с неухо-женными, под корень обгрызенными ногтями инвалид лениво залезал к себе в голову, сосре-доточенно там ковырялся, вытаскивал большие круглые виноградины и без особого аппетита жевал. Винограда в голове было слишком мно-го; когда поезд качало, фиолетовые мускатины рассыпались по полу, толстяк, чертыхаясь, лез их поднимать, и из дырки вываливалось еще больше, целые гроздья.

— Угощайся. — Он по-хозяйски сунул Диме под нос пригоршню, но тот отказался, сообра-зив, что виноград, скорее всего, немытый. — Ну, как хочешь, — обиделся инвалид. — А то, может, курочки? — Суетливая пятерня с готовностью зашурowała где-то на самом дне головы. — У меня тут... с чесночком.

Дима отказался и от курицы тоже, и толстяк, заскучав, вернулся к окну. Долго сидел, уста-вившись в мельтешащую темноту, покусывал заусенцы на пальцах. Потом встал, пошел вы-кидывать виноградные и куриные косточки.

Аккуратно, чтобы не просыпать остатки закус-ки, улегся.

Утром Дима проснулся с привычной голов-ной болью и совершенно новым тошнотворным ощущением, что накануне он случайно прогло-тил десятка два улиток, которые теперь медлен-но умирали у него в желудке, извиваясь в по-следней агонии. Вчерашний толстяк в купе дей-ствительно наличествовал. Впрочем, свою крышку он, видимо, уже отыскал и приладил на место: голова выглядела вполне буднично и яйцевидно. Дима неприветливо сполз с верхней полки, покачиваясь, добрался до изгаженного туалета и в несколько заходов избавился от ко-пошившихся внутри него тварей. Стало полегче.

Когда Дима вернулся, в купе, кроме толстя-ка, обнаружилась еще какая-то девица. Дима решил, что она, вероятно, все время спала на верхней полке, но он ее не заметил, потому что она была совершенно плоская и под одеялом не различалась. Теперь девица сидела у окна и со-средоточенно снимала с одежды налипшие за ночь белые катышки — продукт полураспада видавшего виды железнодорожного белья.

Есть не хотелось. Дима присосался к гигант-ской “Аква Минерале”, выпил не меньше трети и уполз к себе. Девица рассеянно проводила его взглядом и продолжила отковыривать от фут-болки беленькие. Каждую беленькую она сна-чала пристально рассматривала, затем теряла к ней всякий интерес и стряхивала на пол. Вре-менами девица замирала и с отрешенным видом погружалась в созерцание своих ногтей — на ног-тях был французский

маникюр: розовые сере-динки с белыми кончиками. Потом выходила из транса и снова принималась себя ощипывать.

Из соседнего купе доносился пронзительный голос мальчика, исступленно вопившего:

– А это кто?

– А это кто?

– А это кто?

Ему вторил приятный, грудной женский го-лос:

– А это – медвежонок.

– А это – медвежонок.

– А это – медвежонок.

Дима заснул.

– Обедать-то будешь, или тошнит? – Кто-то настырно тряс его за рукав.

Дима жалобно замычал и проснулся. Перед ним стоял вчерашний инвалид и призывающе раз-махивал вонючим бутербродом с “Останкинской колбасой”.

Недобитые улитки угрожающе заерзали в желудке.

– Нет, – угрюмо отозвался Дима.

– И чего ты вчера так нажрался? – удивлен-но загудел инвалид. – Надо ж меру знать... я ж тебе говорил...

Под этот мерный бубнеж Дима уже начал было снова засыпать, когда толстяк неожиданно приблизил свое круглое лицо прямо к его уху и, дохнув на Диму гнилым фруктовым теплом, тихо скомандовал:

– Слазь давай!

Дима ошалело уставился на соседа по купе, судорожно пытаясь сообразить, когда это между ними возникла такая близость. И когда, собственно, они успели вместе выпить.

Толстяк тем временем взял свою инвалидную палку – вероятно, ее Дима и принял ночью за трость – и нетерпеливо постучал по Диминой полке снизу.

– Слазь, Дим, слазь. Вон и жена уже небось соскучилась. – Инвалид радостно показывал красным пальцем на девку с французским ма-никюром.

– Послушай, папаша, – устало сказал Дима, – отвяжись, а? Ты меня с кем-то путаешь. И нет у меня никакой жены.

– Ты что, спятил? – с ужасом прошептал инвалид. – А Лиза-то тебе кто? – снова ткнул пальцем в спутницу.

– Да не знаю я! – заорал Дима. – Хочешь, пас-порт посмотри! Нет у меня жены!

Память услужливо вывалила на Диму поза-вчерашнюю неприятную сцену. Пухлая толсто-задая Катя, шмыгая носом, невнимательно слушает его теорию о том, что брак не только огра-ничивает свободу личности, но еще и разруша-ет любовь. “Ну Ди-и-им, – слезливо ноет Катя, – ну дава-а-ай”. Дима понимающе гладит ее по спине, постепенно опуская руку все ниже...

– Ну давай, давай, покажи паспорт! Очень даже интересно, – снова подал голос толстяк.

– Во-во, покажи, сволочь! – неожиданно за-рыдала девка.

Дима мутно оглядел психопатку: тощая как вобла. Убитые перекисью волосы. Колючие ка-рие глаза злобно выглядывают из синеватых кругов. Довольно красивый рот. Слишком длинный нос. В целом вид довольно потасканный.

Дима молча вытащил из кармана куртки пас-порт, раскрыл, злобно зашелестел. На четырнадцатой странице, маленький и аккуратный, кра-совался штамп. Тверским отделом ЗАГС гор. Москвы зарегистрирован брак с Елизаветой Геннадьевной Прокопец.

“Белая горячка”, – спокойно подумал Дима.

Дима не то чтобы много пил. Во-первых, ра-бота собачьего инструктора алкоголизм

исклю-чала: все его собаки, кроме глупого кокера Феди, не любили запах спиртного. Во-вторых, у него были принципы. Но иногда Дима брал пару дней за свой счет – так что вместе с выходными полу-чалось четыре – и все же пил много.

– Щас, щас, – пробормотал Дима и попытал-ся сосредоточиться. – Так-так, значит, вот как, значит....

Дима спустился вниз, сел и собрался с мыс-лями. Значит, так. Никакой Елизаветы Генна-дьевны он знать не знает. У него Катя. На Кате он не женился. Кроме того, в московском ЗАГСе он расписаться не мог ни с кем, потому что всегда жил в Ростове-на-Дону.

“Жулики”, – с облегчением догадался Дима. Паспорт лежал в кармане куртки, а куртка ви-села у них на виду. Наверное, пока он спал, они вытащили паспорт и сами поставили штамп. Специальной такой штуковиной, чтоб штампы ставить. Или, может, вообще подменили его пас-порт на чей-то другой.

Дима снова рванулся к паспорту.

Паспорт был явно его, гражданина Российской Федерации Лошадкина Дмитрия Владими-ровича. С сиреневого листочка на Диму напря-женно смотрело знакомое, не высавшееся, пло-хо выбритое лицо. Только вот в графе “место рождения” почему-то значилось “город Моск-ва”. А на пятой странице в кокетливой рамочке красовалась московская прописка. ОВД “Аэро-порт” УВД САО зарегистрирован Ленинград-ский проспект, дом 60а.

Ростовская прописка исчезла бесследно.

– Что за хуйня, – мрачно сказал Дима. Полез в куртку за “Честерфильдом”, но пачка, навер-ное, еще вчера где-то вывалилась.

– Курить есть? – повернулся он к спутни-кам.

– А ты разве куришь? – удивился толстяк.

– Димочка, может, тебе лучше полежать? – шмыгнув носом, предложила Лиза.

Дима вышел в тамбур, спутнув ненароком изящное рыжеволосое создание, которое нерешительно kleил прилизанный очкастый мужик. Стрельнул у прилизанного “Парламент”, глубо-ко затянулся и сказал: “Главное, чтобы все было по порядку. Я родился в Ростове-на-Дону. Мне тридцать пять лет. У меня интересная работа”. Прилизанный вдавил недокуренную сигарету в пол, зачем-то сунул Диме всю оставшуюся пачку и, испуганно хихикнув, ретировался – вслед за созданием. Дима положил пачку в кар-ман брюк и снова стал думать по порядку. Он родился в Ростове-на-Дону. Он живет с мате-рью на Большой Садовой улице, почти в самом центре, у Богатяновского спуска, в задрипанной двухкомнатной квартире. Он учился в 57-й школе. Он поступал и не поступил в Ростов-ский университет. Он работает собачьим инст-руктором. Дрессирует собак. У него есть любов-ница Катя. У Кати есть миттель-шнауцер. Два года назад Катя привела своего миттеля на со-бачью площадку, чтобы его научили сидеть, ле-жать, ходить рядом и приносить тапочки, – так она и познакомилась с Димой. Диме так понра-вилось дрессировать миттеля, что он даже стал приводить его к себе домой на ночь – вместе с Катей. Матери миттель понравился, а Катя – нет. Вчера они с Катей выпили. Потом он сел в поезд и поехал в Москву покупать бульдога. Сейчас он едет в поезде в Москву за бульдогом. Отличный щенок, клейменый, с родословной, папа – четырехкратный кандидат в чемпионы Белоруссии, мама – стопроцентная американ-ка, джонсовский буль. По линии бабушки – вообще, можно сказать, из питомника “Битанго Булл”... Завтра он вместе с бульдогом едет об-ратно в Ростов-на-Дону. У него есть обратный билет. Он лежит в кошельке. А кошелек...

Дима выплюнул сигарету и бегом рванул в купе.

Инвалид стоял у входа и, покачиваясь в такт поезду, приговаривал:

– Ай-ай-аай, обокра-али-и! Ай-ай-аай, обо-кра-али-и...

Кошелька под подушкой не было. Унылая помятая Лиза пила чай, бодро позвякивал же-лезный подстаканник.

Лысое дрожащее существо заокало по пар-кету, метнулось к входной двери и тут же отпрынуло назад, закатив глаза. Дима снял ботинок и замахнулся. Существо мягко осело на пол. Пи-скнуло и уползло.

Из кухни доносились приглушенные голоса. Не надевая тапок, Дима подкрался к двери и прислушался. Голоса стихли. Как всегда.

Они всегда о чем-то шептались. Они всегда замолкали, когда он приближался. И криво улыбались. И делали вид, что говорят – так, ни о чем.

– А у нас тут как раз вафельный тортик с орешками, как ты любишь.

Лиза пила кофе из маленькой красной чаш-ки, под углом 90 градусов отставив тощий мизинец. Тесь дружелюбно протягивал Диме пя-терню. Вафельно-шоколадные крошки и ка-пельки пота висели на подбородке.

Очень по-домашнему.

После ужина Дима предпринял последнюю попытку выдрессировать свою левретку Глашу. Она лежала в кресле, свернув тщедушное лы-сое тело крендельком. Дима подошел. Глаша вжалась в сиденье и затряслась мелкой дрожью.

– Ну-ка, фу! – рявкнул Дима – А ну вали с кресла. На место!

Глаша зажмурилась и прижала к голове уши.

– На место, я сказал! – Дима протянул руку и взял левретку за шкирку.

Глаша перестала дрожать и подготовилась к смерти.

– Не смей мучить собаку, – высунулась из кухни Лиза, – пусть сидит в кресле. Ей там теплее.

– Это не собака, – задумчиво отозвался Дима.

Глаша слабо вильнула хвостом, ободренная неожиданной поддержкой, и написала Диме на рукав.

Во сне ему снился миттель. Дима ставил пе-ред его носом миску с едой и говорил: “Нельзя”. Миттель пускал слюни и рычал. Но не ел. А потом Дима бегал за миттелем с бритвой в руке, чтобы побрить его налысо. Миттель не хотел бриться. Он только лаял, глупо хихикал и говорил: “Дим, ну ты же женатый человек, как не стыдно!”

Дима проснулся в шесть утра, от жары и эрек-ции. Открыл форточку. Вернулся в постель, пробрался к Лизе под одеяло. Лиза покорно вздохнула, вяло раздвинула тощие колючие ноги. Дима лег сверху. Лиза была прохладная и слегка влажная. От нее пахло стиральным по-рошком и шампунем “Head and Shoulders”.

– Только побыстрей, ладно? – попросила она романтическим шепотом.

Как и вчера, в первый (ну, по ее версии – в тысячу первый) раз, она сразу мелко заерза-ла и монотонно застонала. Дима закрыл глаза и положил руку на Лизину ягодицу. Малень-кая твердая мышца недружелюбно сжалась в комочек и выскользнула из пальцев. Больше схватиться было не за что. Лиза технично извивалась, словно мелкий карась на дне жес-тяного ведерка. Кровать скрипела тихо, но про-тивно.

От злости Дима кончил быстро.

Когда стало ясно, что нет и не будет на вок-зале невысокого человека с усами, в синем пла-ще, с бульдогом; что кошелек не найдется; что Катин номер “не зарегистрирован в сети”; что толстый – отец Лизы, и зовут его Геннадий Иль-ич; что идти совершенно некуда, – когда все это стало таким очевидным и таким будничным, Дима подошел к урне, выкинул в нее оставшие-ся две “парламентины” и заплакал.

Новоявленные родственники стояли уважительно чуть поодаль, ногами неуютно переминались в осенней вокзальной слякоти, кутались в серое, дышали паром. Перешептывались.

Дима отвернулся и решительно пошел прочь, ускоряя шаг, спотыкаясь, шмыгая носом. Остарновился. Оглянулся назад. Они стояли на прежнем месте и молча смотрели ему вслед. Смотрели очень грустно. И почти нежно.

Дима вернулся к ним. Пошел с ними.

Геннадий Ильич остановился на середине фра-зы. Выпрямил сутулую спину. Остекленевшими неживыми глазами уставился прямо перед собой – на Диму; но Дима был явно не в фокусе.

Очень медленно Геннадий Ильич повернул голову вправо. Раздался сухой тревожный треск. Затем так же осторожно, словно боясь расплескать невидимое жидкое нечто, – влево. Снова треск и – неожиданно тело снова ожило, бойко задвигало руками и ногами, зажевало, зачавкало; глаза шустро отыскали Диму и устались на него тепло, по-отечески.

– На чем это я... Да, так я тебе ее и раньше давал! Мне она все равно уже ни к чему. Спина болит, шея болит, ноги болят, – снова загудел Геннадий Ильич, – так что бери и води.

– Я не умею, – упрямно повторил Дима.

– Умеешь, Дим, умеешь. Ты просто сядь и попробуй, сразу все вспомнишь. Да и вообще...

Неделю назад они заявили, что Дима никог-да не был собачьим инструктором, что автомо-били – его единственная страсть и что до того, как у Димы отшибло память, он каждый день “бомбил” – только тем и зарабатывал.

Дима не поверил. Хотя к тому времени уже поверил почти во все. К тому времени ему уже продемонстрировали белый альбомчик с розочками, напичканный семейными фотографиями (Лиза в детстве – блеклая невырази-тельная кукла с бантом; Дима в детстве – чужой пухлый мальчик с чужой пухлой ма-мой; свадьба: Дима с Лизой обмениваются кольцами, танцуют, целуются, пьют, смеют-ся). Он уже просмотрел две видеокассеты, со свадьбой опять же. В ящике стола он уже на-ткнулся на матовую фотографию формата А4: на ней был он – именно он, никаких сомнений – с дебильной самодовольной улыбкой, за рулем полуубитой зеленой “восьмерки”.

Димин тестя, Геннадий Ильич, был больным человеком. У него имелся один лишний позво-нок – маленькое дополнение к копчику, скром-ный несостоявшийся хвостик, который очень мешал ему жить и из-за которого часто ныла спина. Кроме того, у него было какое-то забо-левание суставов: пальцы на руках и ногах гут-таперчево гнулись во всех направлениях. Зато в шейных позвонках – отложение солей. Что-бы разминать затекшую шею, тестю нужно было время от времени делать упражнения – медлен-но крутить головой из стороны в сторону, добиваясь множественного треска. В те двадцать секунд, которые требовались на упражнение, где-то в мозгу тестя срабатывал загадочный механизм, и Геннадий Ильич автоматически выключался. Поворачивая голову, он не мог го-ворить, не слышал, что говорят ему, судя по все-му, ничего не видел и вряд ли дышал.

Боли в спине и частые “выключения” не-однократно провоцировали аварийные ситуации на дорогах, так что однажды Геннадий Ильич, с тяжелым сердцем, со стенами и причитаниями, выбрался из теплого жужжащего нутра сво-ей “восьмерки” навсегда.

Дальше, по официальной версии, машина перешла к Диме, и Дима был от этого счастлив безмерно. Вот в это-то Дима и не поверил. Он не любил машины. Он любил собак. Собаки любили его. Собаки были последним бас-тионом, и Дима не собирался сдавать его без боя.

– Ты очень любишь машины, – убежденно сказал Геннадий Ильич.

– Да плевал я на них, – неуверенно париро-вал Дима.

— Ты их очень любишь. Ну, ты только пред-ставь себе: “Ауди А4”, — тесть мечтательно при-чмокнул, — нет, лучше “Субару Легэси Аутбэк”. Полный привод. Трехлитровый, шестицилиндровый, двадцатичетырехклапанный двигатель... Мощность — сто пятьдесят четыре лошадиные силы...

— Ну представил, — мрачно сказал Дима.

— И что, ты разве не хотел бы иметь такую тачку?

— Да на фига она мне? — злобно огрызнулся Дима. — Я лучше буду собак дрессировать.

— Ну-ну, дрессирай... с-собак...

Тесть укоризненно покачал головой, под во-ротничком что-то хрюстнуло. Геннадий Ильич напрягся и остекленел.

Сомнительными семейными вечерами, му-торными бессонными ночами Дима, сладко по-еживаясь, раз за разом прокручивал в голове идеальный сценарий визита к психиатру. Он расскажет врачу дикую свою историю, тот слег-ка — не сочувственно, а, скорее, просто по-дру-жески, по-мужски — похлопает его по плечу и скажет: “Не волнуйтесь, Лошадкин, это совер-шенно нормально. Со всеми случается. Вот и я, например, много лет думал, что я американский летчик-испытатель... ан нет. Оказалось, я даже английского не знаю... Так что не берите в голо-ву — просто больше дышите свежим воздухом, не перенапрягайтесь...”

К врачу Дима так и не пошел — в дурдом как-то совсем не хотелось. Лиза с этим решением согласилась подозрительно легко: “Конечно, не ходи, само пройдет”.

Однажды Дима прочитал на автобусной ос-тановке объявление (“Вам не с кем поделиться проблемами? Вас посещают страшные фантазии? Вы не тот человек, за которого вас прини-мают?”) и оторвал прилагавшийся “телефон до-верия”. Позвонил.

— Ну, расскажи, что с тобой? Поделись со мной, — произнесло усталое женское контральто.

— Я всю жизнь прожил в Ростове-на-Дону...

— О, какой красивый город! — без энтузиазма отозвалось контральто.

— Я совершенно не хотел жениться...

— Конечно, зачем жениться? Можно и так развлечься, — оживилось контральто.

— Да нет, вы не понимаете, оказалось, что я женат...

— Это совершенно не важно, котик. Любые твои фантазии, — интимно булькнуло контральто, — ВСЕ, что ты хочешь. Анонимность гаран-тируется. Если хочешь, ты можешь меня изна-силовать. Мы договоримся, где ты меня подка-раулишь...

Дима повесил трубку.

С дрессировкой ничего не вышло.

На объявление “Индивидуальные занятия с вашей собакой. Защитно-охранная служба, курс послушания, коррекция поведения. Любые породы, любой возраст. Выезд на дом” быстро откликнулась сорокалетняя дама, мечтавшая воспитать своего двухлетнего дога.

Дама шумно дышала в трубку и жаловалась на дога. Она говорила, что дог дурно воспитан.

Во-первых, он прыгает на людей. Во-вторых, не любит ходить рядом. Вообще не любит ходить, а предпочитает бегать трусцой, волоча ее за собой. Кроме того, он рычит и скалится, если кто-то подходит к его миске ближе чем на метр.

— А в каких условиях содержится собака? — спросил Дима.

Дог жил в однокомнатной хрущевской квар-тире, на пятом этаже, вдвоем с дамой.

— Все ясно, — сказал Дима. — Я зайду к вам завтра в три, немного позанимаемся дома, а по-том пойдем на площадку.

Ровно в три Дима пришел по указанному адресу и нажал на кнопку звонка. Что-то тяжелое гулко ударилось о дверь изнутри. Утробно заурчало и снова ударилось.

— Арнольд, пропусти мамочку к двери, — не-решительно пискнули из квартиры, — дай мамоч-ка откроет, это дядя репетитор к тебе пришел.

Дима мрачно сплюнул на зеленый кафель. Дверь наконец открылась. Арнольд сидел у входа, морщил нос и рычал.

Дима решительно шагнул вперед. Дог напряг-ся и явно приготовился прыгнуть. Неожиданно Дима почувствовал, что ему стало страшно. Просто страшно.

Какая-то тупая усталость, темная, вязкая тос-ка навалилась на Диму, обволокла со всех сторон, придавила к полу.

— Извините, ошибся дверью, — тихо сказал он и поволок онемевшие ноги к лестнице. Медленно, отыхая на каждой ступеньке, поплелся вниз.

Арнольд чинно выбрался на лестничную пло-щадку, рыкнул для порядка, чтобы закрепить за собой победу, и свесил любопытную морду меж-ду перил.

— Арнольдышка, иди скорее к мамочке, — ус-lyшал Дима уже с первого этажа.

Вечером того же дня Дима нашел работу.

Она продлилась чуть меньше недели.

На автобусной остановке Дима прочитал объявление: “Требуются расклейщики объявлений”. Позвонил по указанному телефону, пришел по указанному адресу. Пожилая волосатая ба-рышня выдала ему огромную кипу объявлений, которые гласили: “Требуются расклейщики объявлений” — и тюбик с kleem. За каждые пять-десять развешанных объявлений она обещала вы-плачивать четыреста рублей. Несколько дней Дима колесил на автобусах и троллейбусах по улицам города, выскакивал на каждой остановке и развешивал, развешивал, развешивал. Испога-нив двести остановок, пришел за деньгами. Во-лосатая молча выдала восемь тысяч рублей и но-вую пачку объявлений с точно таким же текстом.

— А какие объявления вы собираетесь разве-шивать, когда наберете нужное количество “рас-клейщиков”? — поинтересовался Дима.

Барышня непонимающе уставилась на него.

— Вот эти, — ткнула пальцем в Димину пачку.

Диме стало не по себе. Он отнес домой восемь тысяч, но снова идти к волосатой отказался ка-тегорически.

— Тебе-то какая разница, что у них за объяв-ления? — удивилась Лиза. — Платят нормально.

— В вашем городе что, все сумасшедшие? — заорал Дима.

— Чья бы корова мычала, — недобро улыбнулась жена.

Знакомство с мамой подействовало на Диму угнетающе. Мама оказалась мрачным неразго-ворчивым бегемотом в зеленой кофте с рюша-ми и пышным синтетическим сооружением на голове. С Димой она, кажется, была знакома не лучше, чем он с ней, спрашивала его, “как он устроился”, и называла “Димитрий”. На Лизу смотрела с нескрываемым отвращением.

Дима периодически переходил на “вы”, с тос-кой вспоминал свою настоящую, родную мать из выдуманного прошлого и испытал почти сча-стье, когда гостья наконец решительно измазала губы красным и ушла.

— На самом деле, вы уже несколько лет с матерью в ссоре, — объяснила потом Лиза. — Почти не общаетесь. Она не хотела, чтобы ты на мне женился. Но ты уперся... Когда-то ты говорил, что без меня жить не сможешь... А по-мнишь, как ты сказал...

Дима ретировался в ванную. Подошел к зер-калу и сстроил гримасу.

— ...как никого никогда не любил, — всхлипывала Лиза из кухни.

Высунул язык, свернул его в трубочку, выта-ращил глаза.

– ...а потом говорил, что ни с кем тебе не было так тепло...

Сморщил нос, надул щеки.

– ...так светло...

Широко заулыбался и покрутил пальцем у виска.

– ...но ты сказал ей: “Мама, не лезь, это мое личное дело...”

Дима вышел из ванной.

– Ну хорошо, а друзья у меня есть?

– Ну есть, – как-то неохотно призналась Лиза. – Один.

В тот же день друга привели на очную став-ку. Это был алкоголик Гриша из соседнего дома, ничем не примечательный, но симпатичный и легкий в общении. Дима стал выпивать с ним по субботам.

– Выжимай сцепление. Первая передача. Чуть-чуть газа – да не дави ты так, чего она у тебя ревет? Вот... Теперь пла-авненько отпус-каешь сцепление...

Машина запрыгала на месте, истерически за-билась в конвульсиях и в очередной раз за-глохла.

Геннадий Ильич вытер со лба пот.

– Слишком резко бросил сцепление. Еще раз давай. Да заведи ты ее сначала, еб-т...

Через неделю “восьмерка” стала немного по-кладистее. Через месяц полностью покорилась.

На Садово-Самотечной подсел Пассажир, От-правляющий SMS. На проспекте Мира – Жен-щина, Обиженная Жизнь (резкий хлопок две-рью, губы поджаты, суровый и отрешенный взгляд в окно, гробовое молчание). От ВДНХ до Нижней Масловки Дима вез Очень Нервную Женщину (“Закройте окно. Выключите печку. Перестраивайтесь в левый ряд. На третьем от-сюда светофоре налево. Уже пора перестраиваться в левый ряд. На втором светофоре налево. Нам нужно в левый ряд, понимаете?! Аккуратно, там сзади машина. Левее. На следующем светофоре – налево. Сейчас – налево! Ой, там бабушка дорогу переходит! Осторожно, вы чуть в него не въехали! Так, тут то ли направо, то ли налево...”).

На Нижней Масловке проголосовала еще одна. По виду – тоже Нервная. По крайней мере при ней был огромный пакет из жесткого поли-этилена, в котором лежало еще пять-шесть па-кетов, и Дима, поежившись, представил, как она с мучительным шуршанием будет все это туда-сюда перекладывать на протяжении поездки.

Дима не любил свою работу. И пассажиров тоже не любил.

– На Курский вокзал.

– Скока? – привычно поинтересовался Дима, покосившись на пакет.

– Сто? – нерешительно предположила Нервная.

Дима окинул ее мрачным взглядом и сделал вид, что трогается.

– Сто пятьдесят?

Дима слегка надавил на газ.

– Двести? – продолжала гадать девушка.

Дима снял ногу с газа и молча уставился на нее. Симпатичная, рыжее каре, светло-карие смеющиеся глаза. Просто ради эксперимента сказал:

– За двести пятьдесят повезу.

– Хорошо, – покладисто согласилась Рыжая.

Она поставила пакет на пол и сидела совершенно спокойно. Смотрела в окно. От нее пах-ло какими-то пряными дорогими духами, чуть сильнее, чем нужно, но все равно приятно. И как-то очень знакомо.

Дима принципиально не разговаривал с пас-сажирами ни о чем, кроме денег и маршрута.

– Встречаешь кого-то? Или уезжаешь? – за-чем-то спросил, уже подъезжая к вокзалу. Не-много более фамильярно, чем собирался.

– Уезжаю. Домой, в Ростов-на-Дону.

Дима вцепился в руль и затормозил в не-скольких сантиметрах от ехавшей впереди “Волги”.

– Приехали, – выдохнул он, – денег не надо.

– Правда? – счастливо улыбнулась Рыжая и вдруг обняла Диму, прижалась всем телом, об-дав своим пронзительным, сладким запахом. – А вы приезжайте к нам, в Ростов-на-Дону!

– Может, телефончик? – Получилось какое-то сдавленное кряканье.

– Конечно! Ручка есть?

– Ручка есть. Но нет бумажки… – испуганно сообщил Дима.

– Да ничего, давайте ручку, я вам на обрат-ной стороне билета напишу.

– Билета? – тупо повторил Дима. – А как же вы доедете? До Ростова-то, на-Дону?

– Да этому билету уже месяца два, – снова улыбнулась Рыжая.

Быстро нацарапала номер, аккуратно свер-нула билет вчетверо и просунула его в Димину влажную пятерню. На пару секунд задержала свою руку на его руке. Потом наклонилась пря-мо к его уху; рыжая прядь щекотно скользнула по Диминой щеке:

– Приезжайте, не пожалеете.

– А что, и приеду! – неуклюже подмигнул ей Дима на прощание.

Еще с полчаса поколесил по городу, но клев закончился. Дима двинулся в сторону дома, к “Аэропорту”, метр за метром протискиваясь вперед по парализованной Ленинградке, при-вычно мучая ногой сцепление. В машине стой-ко воняло бензином, сухим горелым ветерком из обогревателя и едва ощутимо – сладкими духами Рыжей.

А что? Он вернется на Курский, поставит где-нибудь машину, купит билет на ближайший же поезд и махнет в Ростов-на-Дону. Прямо сей-час. На уик-энд. Почему бы нет? Жене позво-нит, наплетеет чего-нибудь.

– …верхняя полка. Отправление в 18.45, при-бытие в 14.32, – совершенно убитым голосом сообщила кассирша. – Берете?

– Беру.

Сердце оглушительно стучало в ушах, часты-ми счастливыми судорогами толкалось в горле, нетерпеливо подергивало за кончики пальцев. Дима рывком закатал рукав, чтобы взглянуть на часы, неловко толкнул кого-то в очереди.

Часов на руке не было. Денег тоже: кошелек бесследно исчез из внутреннего кармана курт-ки. И ручка. Чуть не плача, Дима развернул билет с телефоном Рыжей: “123456. Придурок”.

– Мужчина, вы берете билет? – взвыла кас-сирша.

Дима молча отошел от кассы.

У нее никогда не было ни прыщей, ни уши-бов, ни царапин, ни аллергической сыпи.

От нее никогда не пахло потом. Или вообще чем-то человеческим. Только лаком, или жидкостью для снятия лака, или шампунем, дезо-дорантом, стиральным порошком, кремом, ге-лем. Средством для мытья посуды. “Орбитом” без сахара. Иногда даже резиной. Иногда даже палеными проводами. Но не потом. Не поно-шенней женской домашней кофтою.

От новой одежды она забывала отпарывать ценники и ярлычки. Так и ходила неделями, пока Дима не сдирал их раздраженно сам.

Что его жена и тесть – не жулики, Дима по-нял уже после нескольких дней семейной жиз-ни. Потом появились другие версии – оборот-ни, роботы, инопланетяне, – но тоже были от-вергнуты.

Родственники отбрасывали совершенно нор-мальную, темно-серую тень. Дима был вынуж-ден это признать: проверял много раз.

И, кажется, на их тела не было подходящих отверстий, куда можно было бы вставить ключик.

Но о чем они шептались, когда он был в другой комнате, Дима не знал.

Билет с “телефоном” Дима спрятал в машине. Почти каждый день, перед тем как идти домой, он вытаскивал его из бардачка и внимательно рассматривал. Сначала читал надпись “приду-рок”, несколько раз. Потом переворачивал обратной стороной и читал: “Поезд № 99/100 “Атаман Платонов”, 4 ноября, Москва – Ростов-на-Дону, отправление 18.45, прибытие 14.32, Лошадкин”. Это был его билет – обратный, тот, что исчез вместе с бумажником два месяца назад по дороге в Москву.

Накануне Нового года Геннадий Ильич дока-зал свою целиком и полностью земную природу. Он умер. Продемонстрировав чисто человеческую уязвимость и беспомощность.

Он умер как раз по дороге к ним. Чтобы не-много срезать, Геннадий Ильич пробирался под окнами. Острый ледяной сталактит провисел, присосавшись к крыше, больше месяца и уже много раз начинал таять, сочась ледяными каплями, и много раз застывал вновь – пока нако-нец не дождался именно этой оттепели и имен-но этого прохожего. Чтобы проломить ему че-реп и полностью растаять уже там, внутри, в остатках человеческого тепла.

Лиза плакала тяжело, много дней, много но-чей, и мелко-мелко дрожала, засыпая, и стона-ла во сне. Она еще больше похудела, лицо опухло, лак осыпался с ногтей неаккуратными лом-тиками. Ее одежда и волосы пахли теперь сигаретным дымом. Она иногда забывала мыть голову. И больше не мазала кремом лицо.

Как-то ночью Дима обнял ее. В первый раз. Она посмотрела на него немного испуганно, но через секунду придвинулась, ткнулась ему в грудь мокрым горячим ртом и перестала дрожать.

По утрам Дима стал сам гулять с Глашой: Лиза не могла проснуться.

Потом возвращался, обнимал ее, сонную, по-чи родную, гладил по голове, целовал красные измученные глаза. Иногда она улыбалась сквозь сон.

Однажды утром она посмотрела на него, как-то затравленно и тоскливо, и сказала:

– Сделай мне ребенка. Пожалуйста, сделай мне ребенка.

У нее было немного опухшее от сна лицо. Тоже какое-то детское.

Дима почувствовал, что у него странно дрожат руки. Он расстегнул рубашку и глупо сказал:

– Сейчас, сейчас сделаю.

Память так и не вернулась. Но память была ему больше не нужна. Свою незнакомую, странную женщину с длинными худыми ногами, с круглым животом, с новой короткой стрижкой (волосы плохо лежали из-за беременности: пришлось отрезать) он любил недавно, и у этой любви еще не было прошлого. Разве что совсем коротенько: семь месяцев – чтобы привыкнуть, принародиться, узнать, что ей нравится, а что нет; чтобы послушать, “как он там толкается”; чтобы каждый день покупать полную сумку мандаринов.

Но сквозь это свежее, неожиданное настоящее и сквозь счастливое ожидание – все время настырно маячило что-то; упрямо высвечивалось из-за ожидающих своего часа погремушек и распашонок. Оно, это “что-то”, не то чтобы сильно мешало, но просто раздражало и порядком портило настроение. Точно невыполненное обещание, которое теперь уже и не вспомнишь, кому и когда давал. Точно мелкое, неважное дело, оставленное на потом, навечно незавершенное. Или обидные слова, на которые сразу не ответил и которые теперь раз за разом про-кручишь в голове, подыскивая самый лучший, самый хлесткий ответ.

– Просто посмотреть. Мне нужно просто посмотреть. На этот город, Лиза, ты должна по-нять меня, успокойся, не плачь, ты же не хочешь повредить ребенку, я все равно вернусь,

кого бы я там ни встретил, что бы ни увидел, Лиза...

Она говорила: сейчас нельзя этого делать. Она говорила: я не могу объяснить почему, просто нельзя ехать туда сейчас, это неправильно, это не по правилам. Она плакала и говорила: не надо, не надо, не надо. Будет очень плохо.

– Тебе сейчас положено капризничать. Но я все же поеду. Лиза, это как раз правильно – нужно же мне наконец избавиться от этого бреда! Я просто пойму, что никогда там не жил и ни-кого там не знал. Все будет хорошо.

Все узнал сразу.

Без любви и без удивления, просто узнал. “Ростовчане всех стран – соединяйтесь!” – по-лоумный призыв на красно-синем плакате. Большая Садовая. Здание городской думы – гигантский кремовый торт, белый с салатовым. Кинотеатр “Киномакс” с решетками на окнах, похожий на районную поликлинику: здесь они с Катей смотрели вторую “Матрицу”.

Дима медленно подошел к своему дому, за-вернулся за угол и остановился. Мать сидела на лавочке у подъезда. Вместе с Катей. Они о чем-то оживленно беседовали и смеялись, миттель остервенело носился вокруг. Они по очереди ки-дали ему палку.

Они действительно существовали. Они *смеялись*. Они не были в трауре, не обзванивали поминутно больницы и морги и не рыдали друг у друга на плече. Года еще не прошло с тех пор, как он пропал из их жизни, а они смеялись и играли с собакой. Мать выглядела даже не-сколько помолодевшей, подтянутой. Ничего общего с той одинокой больной старушкой, по-терявшей сына, которая столько месяцев по-сещала Диму вочных кошмарах, манила дрожащим пальцем, платочком протирала слезящиеся глаза. Катя совсем неприлично растолстела; под просторным бесформенным балахоном добродушно повиливал великан-ский зад.

Они его не видели. Дима немного потоптал-ся на месте и сделал несколько нерешительных шагов в их сторону. И тут вдруг заметил еще кое-что.

Коляска. Синяя детская коляска, самая обыч-ная; она стояла рядом с ними.

Катя тяжело поднялась со скамейки, впере-валочку подошла к коляске, вытащила оттуда большого, запеленатого в розово-голубое, мла-денца. Мать и миттель засуетились рядом.

Дима осторожно зашел за дерево и еще с ми-нуту смотрел на них, счастливых, чужих, отту-да. Подходить ближе не стал: не хотелось при-глядываться к лицам, слышать голоса, объяс-нять, требовать объяснений. Пусть в его новой памяти они останутся такими, как сейчас: по-хожими, страшно похожими, но не теми.

Дима отправил Лизе SMS (“privet! nikogo ne nashel, nichego ne vspomnil, tseluyu, edu domou”) и не спеша побрел в сторону вокзала. По доро-ге зашел в зоопарк, посмотреть на своих люби-мых птиц.

Несколько бакланов грустно прохаживались туда-сюда, рассеянно ковырялись клювом в воде. Метрах в десяти от них стояли зачем-то огромные зеркала.

– Отойдите, не мешайте съемке! – Чья-то уве-ренная рука отодвинула Диму в сторону.

На Димино место встал плотный невысокий человек в очках, с микрофоном. Рядом пристро-ился второй, с камерой.

– Прекрасная птица баклан – гордость Рос-товского зоопарка, – елейным голосом сообщил человек в очках. – Но беда в том, что в неволе от нее очень сложно получить потомство. Ведь бакланы размножаются только в колониях. Двадцать птиц – это не колония. Для колонии требуется хотя бы сто. Для того чтобы создать у бакланов ощущение большой колонии, руко-водство зоопарка установило для них зеркала. Будем надеяться, что благодаря этому прекрас-ная птица баклан в скором времени даст зоопар-ку потомство.

Диме стало жалко бакланов. Они явно чув-ствовали себя очень неуютно, затравленно ози-рались на мужичка с микрофоном и совсем не хотели давать потомство. На зеркала

бакланы смотрели совершенно безразлично и, судя по всему, просто их не замечали. А может быть, отказывались считать собственные отражения соседями по колонии.

Как только поезд тронулся, зачирикал мо-бильный. Звонила подруга Лизы: совершенно замогильным голосом она сообщила, что у Лизы начались преждевременные роды и ее отвезли рожать в роддом № 16.

— Скажи ей, что я приезжаю завтра! — заорал Дима. — Завтра!

Связь прервалась. Он посидел немного в купе и поплелся в вагон-ресторан за сигаретами.

Дима зашел в тамбур, прислонился к стене и глубоко затянулся. В привычной тамбурной затхлости отчетливо чувствовался какой-то еще, совсем неуместный здесь запах.

Она стояла в тамбури и курила. Рыжая де-вушка, та самая. Дима бросил недокуренную сигарету на пол.

— Ну, привет, — процедил сквозь зубы, по возможности угрожающе. — Давно не виделись.

Шумно шагнул к ней, вцепился рукой в ры-жие патлы, прижал к зарешеченному окну:

— Ты какого черта тут делаешь?

— Я... тут работаю... на этом маршруте... пусти!

— Деньги отдавай, сука... и все остальное. — Дима налег сильнее.

— Денег уже нет, — не слишком испуганно от-ветила Рыжая. — А все остальное отдаю! Только сначала пусти!

Дима ослабил хватку и отошел на шаг.

— Ребята-а-а! — истошно заорала Рыжая.

В тамбур оперативно ворвались двое смуглых крепышей; один галантно обнял ее за плечи, второй с ходу двинул Диме в нос. Поезд в этот момент качнуло, и Дима тяжело повалился на заплеванный бурый пол.

— Завтра я тебе все отдаю! — весело засмеялась Рыжая, выскачивая из тамбура. Крепыши остались.

Дима размазал по подбородку кровь и стал, пыхтя, подниматься на ноги. Толстая резиновая подошва, с узором в елочку, на секунду мелькнула перед глазами и смачно впечаталась в лоб. Дима снова повалился на спину. Тот, что обни-мал Рыжую, присел рядом с Димой на корточ-ки, ловко извлек из его кармана мобильный. Потом сказал:

— Сиди тихо.

Дверь тамбура с грохотом захлопнулась. Дима еще с минуту посидел тихо и уполз в туа-лет смывать кровь.

Маленькая миловидная медсестра с прыщи-ками на носу снова испуганно покосилась на Димину разбитую физиономию и снова зашебуршалась в бумажках:

— Нет, точно нет.

Елизавету Геннадьевну Прокопец в роддом № 16 не привозили. Дима вышел на улицу и со-брался было звонить Лизиной подруге, но по-нял, что номер ее телефона исчез вместе с мо-бильным.

— Два пять семь. Черт, два пять семь, — вслух сказал Дима.

Код не срабатывал. Наконец из подъезда вышла старушка, ойкнула, посмотрев на Диму. Дима отодвинул ее в сторону и ломанулся внутрь. Подошел к своей квартире и с изумле-нием уставился на новенькую железную дверь. На всякий случай ковырнул в скважине клю-чом. Ключ не подошел. Дверь, впрочем, откры-лась — изнутри. На лестничную клетку недру-желюбно шагнула толстая лоснящаяся туша в тельняшке.

— Я вас слушаю, — мрачно сказала туша и уг-рожающе почесала шерсть на груди, под поло-сатой тканью. Дима аккуратно заглянул туше за спину, в дверной проем. Незнакомые

обои с фиолетовыми ромбиками.

Только после того, как алкоголик Гриша заверил Диму, что год назад завязал, и попросил “ему не тыкать”; после того, как Дима безрезультатно сходил по всем известным ему адресам и столь же безрезультатно позвонил по всем известным телефонам, – только после этого Дима пришел в милицию и заявил, что у него пропала жена.

– Да какая у тебя, на хуй, жена? – монотонно повторил потный усатый мент.

– Где твоя регистрация? Кто тебя нанял расклеивать эти объявления? – Второй мент, лысый, с густыми черными бровями, аккуратно выложил перед Димой его паспорт с ростовской пропиской и знакомое “Вам не с кем поделиться проблемами? Вас посещают страшные фантазии? Вы не тот человек...”.

– Из-за тебя, сука, женщину изнасиловали! – взревел усатый и швырнул поверх объявления фотографию. На фотографии красовалась, вся в синяках и ушибах, дама, которая хотела воспитать дога.

Били долго, до вечера, но в итоге все-таки отпустили. Полуживой, Дима добрался до Курского вокзала и купил билет в Ростов-на-Дону.

– Ну вот и папа вернулся, – сказала Катя и сунула Диме в руки визжащий, дрыгающийся сверток. – А что так долго? Очередь была? И что у тебя с лицом?

Миттель равнодушно обнюхал Димину шта-нину. Сверток неожиданно замолчал. Малень-кое красное лицо судорожно сморщилось, по-тому разгладилось, и на Диму без всякого выражения уставились воспаленные равнодушные глаза.

– А у нас – диатез, – сообщила Катя. – Ужи-нать будешь?

Ночью Дима долго ворочался на узкой кро-вати. С отвращением упирался лбом в чужое, с резким запахом чужого пота, Катино плечо. Наконец устроился, ровно задышал.

Во сне он увидел Лизу. Худую, длинноногую, грустную, бледную. В руках у нее был аккурат-но завернутый в детское одеяльце игрушечный младенец. Неподвижный резиновый пупс с восковым лицом и красными кругляшами щек.

Она качала его на руках, быстро-быстро, со странным деревянным скрипом.

– Тебе надо петли смазать, – тоскливо, чуть не плача от нежности, говорил ей Дима.

Она не слышала. Она качала ребенка и все повторяла:

– Дима, возвращайся. Дима, приезжай.